

— Хм? — Дуань Минчэнь приподнял бровь.

— Подумай сам: почему она явилась с повинной именно тогда, когда мы обыскивали дом Шэнь? Причём мы ведь не нашли никаких улик! Если бы она сама не рассказала, мы бы и не узнали, что Шэнь Цзюньжу взял её силой и тем вызвал её ненависть. Зачем ей было в этом сознаваться?

— Твои доводы разумны, — сказал Дуань Минчэнь, — но обвинение в убийстве мужа — дело серьёзное. Казнь через рассечение пополам с оставлением тела на поругание — не то, что вынесет обычный человек. Если она не виновна, зачем признаваться?

— Всё же... мне кажется, не всё так просто. — Гу Хуайцин потер набрякший висок. — Интуиция подсказывает, что на этом дело не должно закончиться. Потому я и пришёл в Тюрьму Чжаоюй — чтобы задать ей ещё несколько вопросов. Вчера в доме Шэнь, при начальнике, многие детали не удалось уточнить.

Дуань Минчэнь кивнул:

— Я тоже об этом подумал.

Они обменялись понимающими взглядами. В этот момент тюремщик остановился — они были у камеры Се Хуэйлань.

Гу Хуайцин заглянул внутрь. Камера была маленькой и отдельной, на полу лежала солома. Се Хуэйлань в серой арестантской робе сидела в углу, повернувшись лицом к стене.

Знатная дама, привыкшая к роскоши, в одночасье стала узницей. Такой перепад редко кто выдерживает, но, судя по осанке Се Хуэйлань, она, казалось, действительно смирилась.

— Се Хуэйлань, к тебе пришли двое господ! — крикнул тюремщик.

Се Хуэйлань слегка дрогнула, медленно обернулась и равнодушно посмотрела на Дуань Минчэня и Гу Хуайцина.

Дуань Минчэнь приказал открыть дверь, и они, согнувшись, вошли внутрь.

Се Хуэйлань поднялась и спокойно произнесла:

— Что привело вас ко мне, господа?

Гу Хуайцин слегка кашлянул:

— Вчера всё произошло в спешке, и у меня осталось несколько вопросов.

Се Хуэйлань чуть нахмурила изящные брови, будто бы раздражённая, но сказала:

— Что ещё желает узнать господин Гу?

— Убийство первого помощника Шэнь — дело твоих рук? Или были сообщники?

— Нет! — решительно покачала головой Се Хуэйлань. — Признаваясь, я всё ясно сказала. Я убила Шэнь Цзюньжу из личной ненависти, никому об этом не рассказывала и ни у кого помощи не просила.

— Ты говорила, что в ту ночь, пока служанка Дун Мэй звала первого помощника в кабинет, ты тайком пробралась на кухню. Каким путём шла и сколько времени это заняло?

— Главный дом и кухня стоят на центральной оси усадьбы Шэнь, нужно лишь пересечь задний двор. Если идти быстро, уйдёт меньше времени, чем на чашку чая.

— По дороге туда и обратно ты проходила через рощу красных слив перед кухней?

— Рощу красных слив? — В глазах Се Хуэйлань мелькнуло что-то. — Роща как раз напротив кухни, миновать её нельзя.

— Помнишь, во что была одета?

Се Хуэйлань ненадолго задумалась:

— Жёлтое платье с высокой талией и зелёный халат с широкими рукавами.

Гу Хуайцин настойчиво переспросил:

— Уверена?

Се Хуэйлань слегка усмехнулась:

— Женщина всегда помнит, что на ней было надето. Не ошиблась. Если не верите, спросите Дун Мэй.

Гу Хуайцин и Дуань Минчэнь переглянулись — всё стало ясно.

Се Хуэйлань с лёгким недоумением спросила:

— Почему вы спрашиваете об этом? Какое значение имеет мой наряд в тот день?

Дуань Минчэнь, до сих пор молчавший, внезапно заговорил:

— Сударыня, это действительно вы?

Лицо Се Хуэйлань изменилось:

— К чему такие слова, господин Дуань? Обвинение, карающееся смертью, люди обычно стараются избегать. Не совершив преступления, зачем мне было признаваться?

— Именно это меня и смущает. Знаете ли вы, что если обвинение в убийстве мужа подтвердится, вас ждёт не только жестокая казнь, но и весь дом Гоуна будет втянут в беду?

Се Хуэйлань высоко подняла голову:

— Не пугайте меня, господин! Как говорится, вышедшая замуж дочь — что вылитая вода. Я сама совершила преступление и сама понесу наказание. Какое отношение это имеет к дому Гоуна? К тому же мой отец давно в отставке, он покинул службу. Мать много лет предаётся буддизму и не интересуется мирскими делами. Младшая сестра вышла замуж за начальника Вань, и он, несомненно, о ней позаботится.

Лицо её стало холодным:

— Я устала. Если вы закончили, прошу вас удалиться.

С этими словами Се Хуэйлань повернулась к стене, села в позу лотоса и больше не обращала на них внимания.

Увидев, что та явно прощается, они поняли — дальше расспрашивать бесполезно. С тяжёлым сердцем они покинули камеру.

Выйдя из мрачной и сырой Тюрьмы Чжаоюй, Гу Хуайцин глубоко вдохнул свежего воздуха, но тоска не отпускала. Он взглянул на Дуань Минчэня — тот тоже хмурился, брови сведены.

Вернувшись в Усмирительное ведомство, Гу Хуайцин заходил взад-вперёд, словно загнанный зверь, бормоча про себя:

— Роща красных слив, человек в белом... Какая же тут тайна?..

Дуань Минчэнь, у которого от этой беготни зарябило в глазах, налил ему чашку горячего чая и мягко сказал:

— Успокойся, сначала выпей. Расследование требует хладнокровия.

Гу Хуайцин взял чашку, отхлебнул и тут же поставил, брезгливо сморщившись:

— Фу, что за чай? Противно!

Дуань Минчэнь усмехнулся. Чай в Усмирительном ведомстве, конечно, не шёл ни в какое сравнение с императорскими сортами.

Гу Хуайцин шлёпнул чашкой о стол:

— Нет, я должен снова ехать в дом Шэнь.

Не дожидаясь ответа, он стремительно вылетел за дверь и чуть не сбил с ног Ло Циня, который как раз входил.

— Чёрт! — Ло Цинь потёр ушибленное плечо, скривившись от боли, и не сдержался. — Они что, считают Усмирительное ведомство своим домом? Несутся, сметая всё на пути!

Дуань Минчэнь, зная, что те двое не ладят, уже собрался утешить Ло Циня, как вдруг услышал доклад гвардейца в парчовых халатах:

— Господин Дуань, снаружи женщина по фамилии Се. Называется наложницей начальника Восточной Ограды и сестрой Се Хуэйлань, просит аудиенции.

Дуань Минчэнь слегка удивился и поспешно ответил:

— Просите войти.

Вошедшая молодая женщина была в расцвете лет, лицом похожа на Се Хуэйлань — сходство было в пять-шесть частей из десяти. Но если Се Хуэйлань отличалась мягкой, утончённой красотой, то эта женщина была нежнее, обаятельнее — словно осенняя луна и весенний цветок, каждый прекрасен по-своему.

Дуань Минчэнь заметил, что Се Ялань была украшена драгоценностями и одета в роскошные

одежды — видимо, пользовалась большой благосклонностью у Вань Чжэня.

— Сударыня, что привело вас ко мне? — вежливо спросил он.

Се Ялань ответила с тревогой:

— Честно говоря, я пришла тайком — хочу просить разрешения навестить старшую сестру.

К её удивлению, Дуань Минчэнь сразу согласился и приказал проводить её в Тюрьму Чжаоюй.

Примерно через полчаса Се Ялань вернулась с красными глазами и, увидев Дуань Минчэня, воскликнула:

— Господин, моя сестра невиновна, она не могла убить!

Дуань Минчэнь нахмурился:

— Вам известно, что ваша сестра сама призналась. Если она не совершала преступления, зачем брать на себя такое обвинение?

— Здесь... здесь должно быть что-то ещё!

— Когда вы навещали её, она что-то сказала вам?

— Нет, ничего. Только велела позаботиться о родителях и передать им, что просит прощения за неблагодарность и больше не сможет им служить. — Говоря это, Се Ялань не могла сдержать слёз. — Господин, я выросла с сестрой и хорошо знаю её характер. Она добра и милосердна, вместе с матерью соблюдает буддийские посты, обычно и муравья не раздавит, увидев нищего на улице — обязательно остановится и подаст милостыню. Как такой человек может быть убийцей? Пусть её и вынудили выйти за Шэнь Цзюньжу, но до убийства дело не дошло бы.

— Тогда, по-вашему, почему она взяла вину на себя?

Се Ялань вытерла слёзы платком, взяла себя в руки и, немного подумав, медленно сказала:

— Семьи Шэнь и Се были близки. Младшая сестра Шэнь с детства играла с нами, а с моей сестрой они особенно сдружились... Они были так близки, что даже родные сёстры не сравнятся. Порой мне даже казалось, что сестра относится к младшей сестре Шэнь нежнее, чем ко мне. Когда они были вместе, им всегда было о чём поговорить, движения их были так гармоничны, что все остальные казались лишними, вклиниться было невозможно.

<http://bllate.org/book/16283/1466736>